

Леонид Бежин

Роман
и Роза
Даниила
Андреева

Леонид Бежин

Роман
и Роза
Даниила
Андреева

Записки
странствующего
энтузиаста

Этерна
2024

УДК 821.0
ББК 83
Б38

Дизайн – Александр Зарубин

*Фотография на переплете –
Поэт, писатель и философ Даниил Леонидович Андреев.
СССР, Москва, 3 августа 1993 года.
Попов Геннадий/ТАСС*

Бежин Л.Е.

Б38 Роман и Роза Даниила Андреева: Записки странствующего энтузиаста. – М.: Этерна, 2024. – 336 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00441-0

«Я попытался по мере своих сил объяснить растолковать читателю, что же такое “Роза” – эта странная русская книга, грандиозный свод всевозможных сведений о потусторонних мирах. Каковы ее главные идеи, структура, основные понятия. Наконец, если кому-то кажется странным, чуждым, пугающим язык этой книги, то я постараюсь показать, что он не выдуман, не создан искусственно, а чутким слухом слышан, уловлен – снят с голоса неведомых собеседников, как снимают ток с невидимых проводов».

Л.Е. Бежин

УДК 821.0
ББК 83

ISBN 978-5-480-00441-0

© Бежин Л.Е., 2024
© ООО «Издательство
«Этерна», 2024

От автора

«“Роза Мира”? Да, было любопытно взять в руки, тем более что столько о ней слышал, купил, пытался читать, но как-то, знаете, не пошло. Непонятно. Вы уж извините, отложил. Поставил на полку. Может быть, еще вернусь, хотя... не уверен, вряд ли. Вот если бы кто-нибудь мне доступно объяснил, растолковал, подсказал, тогда я бы попытался еще раз ее одолеть, дочитать до конца эту самую “Розу”, но самому как-то боязно – не решаюсь» – таких признаний мне доводилось слышать немало. И все они сводились к тому, что «Роза Мира», конечно, влечет, притягивает, будоражит воображение, даже завораживает. Но, признаться, что-то мешает ее до конца понять, уяснить, что в ней, собственно, написано: какое-то препятствие возникает, барьер. К тому же и батюшки в церкви ее ругают... «А хочется, как ни странно, очень хочется, хотя, казалось бы, я так далек от всякой мистики, от соприкосновения с всякими там потусторонними мирами. В этом смысле я глыба – меня не сдвинешь. Но в то же время ведь не зря у Маяковского сказано: “Что может хотеться этакой глыбе? А глыбе многое хочется”.

Вот и мне тоже – многое... Без этого жизнь как-то скучна, однообразна, лишена подлинного смысла. Ну, живешь, коптишь небо, зарабатываешь на хлеб насущный, вечно спешишь куда-то, воспитываешь детей, утираешь им носы, а дальше-то что? И в конечном итоге зачем все это? “Роза Мира” же приоткрывает окошко, дает надежду. Поэтому, повторяю, хочется, но как подступиться? Как?..»

И нечто подобное этому мне не раз говорили, причем самые разные люди – во всяком случае, те, кто хоть что-то читает, а не тыкает бессмысленно в свой мобильник. Я старался им разъяснить, приводил различные примеры, ссылаясь на «Божественную комедию» Данте, где тоже повествуется о запредельных мирах и встречах с их обитателями – грешниками в аду и праведниками на небе. Знакомил с различными эпизодами из биографии Сведенборга¹, для которого проникнуть в этот самый запредельный мир было равнозначно тому, что высунуть руку в форточку. Ну и конечно, наш Владимир Соловьев², который, работая в Британском музее, услышал призыв неведомого вестника: «Будь в Египте!..» И поспешил, поспешил в пустыню, где ему явилась сама вечная женственность в образе Софии Премудрости Божией.

Вот так же и Даниил Андреев – с тою лишь разницей, что ему потусторонний мир открылся во Владимирской тюрьме, куда он был водворен за написание и чтение близкому кругу друзей опального романа «Странники ночи», сожженного Лубянкой.

Словом, существовала огромная, богатая, разветвленная традиция вне конфессиональных мистических откровений. Пример тому – хотя бы воительница Жанна из

Арка¹, слышавшая голоса, побуждавшие ее к ратному подвигу (Церковь же осудила Жанну как ведьму и сожгла на костре). И уж насколько гречанка Сапфо² была далека от благочестивого поведения, но и ей после пирушек и винных возлияний с лесбийскими девами, по-видимому, что-то являлось:

Мне Гонгила сказала:

«Быть не может!

Иль виденье тебе

Предстало свыше?»

«Да, – ответила я, – Гермес

Бог спустился ко мне во сне»³.

Поэтесса, а вот поди ж ты – сам Гермес ее посетил.

«Да?! Удивительно!» – искренне изумлялись собеседники, слыша мой рассказ, но я чувствовал, что одного рассказа все-таки мало, чтобы их убедить. Нужно что-то большее – книга!

Тогда я решил написать книгу, тем более что судьба подарила мне путеводное знакомство с Аллой Александровной Андреевой, верной спутницей и вдовой поэта, пострадавшей так же, как и он, прошедшей через мордовские лагеря. А уж она свела меня со многими из тех, кто хорошо знал ее мужа.

По сохранившимся отрывкам, пересказам и контексту всего творчества Даниила Андреева, его стихам и прозе,

¹ С в е д е н б о р г, Эммануил (1688–1772) – шведский ученый-естествоиспытатель, христианский мистик, теософ, изобретатель. Духовидец, имевший последователей. Автор многих сочинений, основное – теософский труд «Небесные тайны» (1749–1756), аллегорический комментарий к двум первым книгам Пятикнижия. – *Здесь и далее прим. ред.*

² С о л о в ь е в, Владимир Сергеевич (1853–1900) – русский религиозный мыслитель, мистик, поэт и публицист, литературный критик, преподаватель; почетный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности (1900). Стоял у истоков русского «духовного возрождения» начала XX в. Оказал влияние на религиозную философию Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Сергея и Евгения Трубецких, Павла Флоренского, Семена Франка, а также на творчество поэтов-символистов – Андрея Белого, Александра Блока и др.

¹ Ж а н н а д' А р к, Орлеанская дева (ок. 1412–1431) – национальная героиня Франции, одна из командующих французскими войсками в Столетней войне. Попав в плен к бургундцам, была передана англичанам, осуждена судом католической церкви как ведьма и заживо сожжена на костре. Впоследствии в 1456 г. была реабилитирована и в 1920-м канонизирована – причислена католической церковью к лику святых.

² С а п ф о (ок. 630 до н.э. – 572 или 570 до н.э.) – древнегреческая поэтесса и музыкант, автор монодической мелики (песенной лирики). Входит в число Девяти лириков. Стихи Сапфо сохранились во фрагментах, музыка ее не сохранилась.
³ Пер. Я. Голосовкера.

мне удалось восстановить, насколько это возможно, сожженный на Лубянке роман «Странники ночи».

А главное, я попытался по мере своих сил объяснить, растолковать читателю, что же такое «Роза» – эта странная русская книга, грандиозный свод всевозможных сведений о потусторонних мирах. Каковы ее главные идеи, структура, основные понятия. Наконец, если кому-то кажется странным, чуждым, пугающим язык этой книги, то я постараюсь показать, что он не выдуман, не создан искусственно, а чутким слухом услышан, уловлен – снят с голоса неведомых собеседников, как снимают ток с невидимых проводов.

Шаданакар¹, затомисы², Олирна³ (первый, окрашенный в золотисто-зеленый цвет, слой восхождения). Эти слова доносились будто издалека: их произносили невидимые друзья – собеседники Даниила Андреева. Звучание этих небесных слов не сразу улавливалось ухо, оно уточнялось, восполнялось, исправлялось, пока не отлилось в законченную форму. И тогда открылась поэзия, струящаяся фиалковыми отсветами, переливающаяся небесными звонами, непередаваемая поэзия этих слов, рядом с которой кажутся скучными все песни Земли:

Она похожа на даль знакомую,
Ярко-зеленую и золотую,
Чтоб ты почувствовал: «Боже! Дома я!»
И не пожаловался бы:
«Тоскую...»

Там встречи с близкими, беседы дивные,
Не омраченные житейской мглою;

Там, под созвездиями переливными,
Ты подготовишься к иному слою.

Неумирающее эфиротело
Там совершенствуется работой мирной,
И ту начальнейшую пристань белую,
Злато-зеленую
зовут
Олирной.

Эту поэзию «Розы» я тоже надеюсь донести до читателя.

25 мая 2023 года, Москва

¹ Системы связанных с Землей параллельных миров, описанных в «Розе Мира».

² Высшие миры.

³ В «Розе Мира» Даниила Андреева первый из миров просветления, страна усопших (за исключением тех, кто испытал нисходящее посмертие).

«В дому Отца Моего обители мнози суть».

Евангелие от Иоанна

«Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: “В дому Отца Моего обители мнози суть”. На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оныя небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтоб показал мне эти обители. Господь не лишил меня Своей милости. Вот, я был восхищен в эти небесные обители. Только не знаю: с телом ли, или кроме тела, Бог весть: это непостижимо. А о той радости и сладости, которые я там вкушал, сказать тебе невозможно».

Серафим Саровский

Часть первая

В
ПОИСКАХ
РОЗЫ

Размышление над эпитафиями

Что ж, эпитафии прочитаны. Надеюсь, что и ты, любезный читатель, пробежал их глазами. А теперь поразмышляем или даже, особо не умствуя, отдадимся непосредственному впечатлению – наплыву чувств от прочитанного, ведь преподобный Серафим говорит о своей радости и сладости, а они заразительны, эта радость и сладость.

Вот и мы откинемся в кресле, слегка прикроем глаза, забросим руки за голову, примем мечтательную позу (а это иногда не возбраняется) и попытаемся себе ответить, почему нам стало так хорошо. А ведь и вправду хорошо от этих слов, поставленных рядом, из Евангелия от Иоанна и из беседы Серафима Саровского. Хорошо, несмотря на некоторое смущение, которое эти слова вызывают и в котором мы не можем себе не признаться. Уж такие мы чуткие ко всем затаенным движениям, смутным брожениям, нераспознанным зовам своей души и мнительные, опасливые, воспаленно пристрастные в их оценке.

И тем не менее, признаваясь, ловим себя на том, что все же... нам хорошо, несказанно хорошо, как будто вдруг освободились от тяжелого груза, стало легко дышать, разошлись пасмурные, низкие, рыхлые облака, и приоткрылись горизонты, высветилась даль, показался бесконечный простор небес. Ведь сам Христос сказал: «Обителей много». И даже постоянно говорил, вновь и вновь повторял, ведь речи Христа в Евангелии Иоанна – не единожды, а много раз им от Него услышанное, выношенное, продуманное и часто по-своему, со своими оттенками смысла выраженное. Как полагают исследователи, каждая речь Христа в Евангелии – маленькое богословское построение,

своеобразный трактат самого Иоанна. Значит, мысль о множественности, бесконечности духовных миров ему, безусловно, дорога, он захвачен, вдохновлен ею.

Но в то же время Иоанн не развил, не развернул ее, а, напротив, придал ей несколько завуалированную (забегая вперед: вуаль – одно из любимых с детства, обожаемых до немого восторга слов... впрочем, нет, об этом чуть позже) форму. Иначе говоря, он не стал переводить с символического, образного языка (в доме – обителей) на язык философского дискурса, греческого любомудрия. Собственно, почему?

Да потому что о таком нельзя, это сокровенно, для немногих, для избранных, для пламенеющих одиночек. А при этом уже есть церковь, складывается канон, появляются апокрифы, осуждают и клеймят еретиков и нарождается ортодоксия – отсюда и невольное смущение. И смущение Иоанна (он ведь и сам борец с гностиками, многое в его Евангелии направлено против них), не позволяющее ему развить мысль, и наше собственное навязчивое смущение, которое удерживает нас от мечтательных поз. Ведь за те века, что разделяют нас с Иоанном, одиночек стало меньше, а ортодоксия усилилась, окрепла, умножилась, разрослась. Поэтому завуалированная форма – самая подходящая для мысли Иоанна: она скрывает тайну от непосвященных, и при этом всегда найдется кто-то, кто отважится, дерзнет приподнять вуаль...

Серафим Саровский – один из таких избранных, пламенеющих (что заложено в самом имени¹), дерзнувших. Читая и перечитывая в своей келье четвертое Евангелие, он слышал зов Иоанна и отозвался или, как он сам говорит о себе, усладился. Усладился до умильных слез и возже-

¹ Серафим – с древнееврейского – жгущий, огненный.

лал видеть обители. И Господь не лишил его милости – он был восхищен. «А о той радости и сладости, которые я там вкушал, сказать тебе невозможно».

Вот почему нам так хорошо: слова Христа о бесконечности миров находят подтверждение в живом опыте отдельного человека, святого, подвижника и молитвенника, и через него, благодаря ему мы словно бы приобщаемся, становимся причастны высшей радости и сладости, обретаем надежду, что и нам они когда-нибудь откроются во всей полноте.

И все-таки некоторое смущение не покидает нас. Во-первых, «возжелал». Само это слово не из привычной лексики православного обихода, его смысл, его окраска слишком чужды идеалам монашеского смирения. Возжелал он, видите ли! Да ведь это почти то же самое, что возгордиться: приставка-то одна и та же! А во-вторых, «не знаю, в теле или кроме тела». Позвольте, а это что ж такое?! Оккультизм?! Астральные улеты?! Трансфизические странствия души?! Во всяком случае, нечто очень близкое, почти на грани. Правда, такое есть у апостола Павла, восхищенного до третьего неба (Второе послание к коринфянам), и слова преподобного Серафима явно отсылают к нему, но все равно это как-то сомнительно, рискованно, отдает крамолой.

Теперь понятны те невнятные, до конца не выговариваемые (все-таки канонизированный святой) упреки, которые ортодоксия подчас адресует преподобному Серафиму, – упреки в некоей недогматичности. Он, к примеру, обращаясь к одной из подвижниц дивеевских, согласившейся по его благословию принять смерть вместо своего брата, говорит: «Что нам с тобой бояться смерти, радость моя. Для нас с тобою будет лишь вечная радость». Ага, вот мы его и уловили, поймали на неосторожном слове!

Значит, заранее уверен в своей посмертной участи, уверен, что спасен, а подобает ли этак православному? Истинно православный, каким бы святым он ни был, может только робко надеяться на спасение, уверяя себя при этом, что он – гнездилище всех пороков, самый последний из грешников.

Да, с точки зрения строгой ортодоксии должно быть так, и примеров тому – множество. Сколько святых русских искренне считали себя величайшими грешниками, не заслуживающими спасения! А святой Серафим? «...будет лишь вечная радость». Нет, его святость какая-то иная, русской церковью до конца не распознанная, не вмещающаяся в привычные церковные рамки.

Ладно, при молитве над землей зависал и, оставаясь в Сарове, мог явиться дивеевским сестрам и рыть вместо них, замешкавшихся, канавку Богородицы. Подобные чудеса в житиях святых встречаются. Но вот после одного из посещений святого Серафима Богородицей он угощал всех странными, светящимися, неземного вида сухариками, приговаривая: «Это небесная пища». Что еще за небесная пища? В какие уставы она вписана? Кем из иерархов дозволена? Кто благословил ее вкушать?

Вот и получается, что Серафим Саровский церкви несколько чужд, несмотря на то что канонизирован и иконы его в каждом храме, и акафист ему поют, и юбилей не так уж давно справляли. Нет, была бы кощунственной любая попытка его от церкви оторвать: он ей служил, посвятил всю жизнь и вне ее себя не мыслил. Но некоей частью своего мистического опыта святой Серафим с ней все-таки не совпадал, ведь не случайно же канонизировали его с такой неохотой, после долгих проволочек, лишь благодаря настойчивому вмешательству Николая II.

Эта часть не совпадает с церковной ортодоксией, а с чем совпадает? Вопрос! Собственно, заведомо неприем-

лемый ответ на него уже дан. Конечно же, оккультизм, астральные улеты тут ни при чем. Теософия тоже, а вот мистика... Мистика таких одиночек, как Бёме¹, Экхарт², Сведенборг, возможно, была бы близка Серафиму Саровскому, во всяком случае с познавательной точки зрения, ведь он за свою жизнь множество книг перечитал, включая и «аль-Коран Магометов». Может быть, и не только с познавательной: они ведь все тоже были церковными людьми, хотя и не православными, и тоже не совпадали. А те, кто был после Серафима, – оптинские старцы³? Да, конечно... А кто после старцев, из совсем другого ряда, – Блаватская⁴, Рерихи, Даниил Андреев, в конце концов? Нет, нет, смущение не позволяет нам каким-то образом объединить их с преподобным Серафимом, и смущение это вполне оправданное: тут несовпадение полное.

ГЛАВА 2

Четыре вопроса

Все-таки не случайно рассказ о Данииле Андрееве и «Розе Мира» мы начали с Серафима Саровского, который будет нам отныне сопутствовать. Дело не только в том, что Даниил Андреев был православным, перед смер-

¹ Бёме, Якоб (1575–1624) – саксонский теософ, христианский мистик, стоявший у истоков протестантской софиологии – учения о «премудрости Божией».

² Экхарт, Майстер (ок. 1260 – ок. 1328) – средневековый немецкий теолог и философ, один из крупнейших христианских мистиков, учивший о присутствии Бога во всем существующем (пантеизм).

³ Христианские подвижники, чьи пути к Господу стали великим образцом терпения, кротости и беззаветной любви; мужского монастыря из Оптиной пустыни.

⁴ Блаватская, Елена Петровна (урожд. фон Ган) (1831–1891) – русский религиозный философ теософского (пантеистического) направления, литератор, публицист, оккультист и спиритуалист, путешественница.

тью исповедался православному священнику и, насколько известно, от «Розы Мира» на исповеди не отрекся. Еще важнее то, что будущее возрождение России он связывал именно с православием: «Он говорил, что Россия – святая земля, центр мира, от нее все и произойдет, причем опорой здесь будет православие»¹. Серафим Саровский, чья икона была с ним и на фронте, и в тюрьме, для Даниила Андреева – важнейшая составляющая мистического опыта, его проводник, вожатый по Небесной России.

Вот как об этом рассказывается в «Розе Мира»: «В ноябре 1933 года я случайно – именно совершенно случайно – зашел в одну церковку во Власьевском переулке. Там застал я акафист преподобному Серафиму Саровскому. Едва я открыл входную дверь, прямо в душу мне хлынула теплая волна нисходящего хорового напева. Мною овладело состояние, о котором мне чрезвычайно трудно говорить, да еще в таком протокольном стиле. Непреодолимая сила заставила меня стать на колени, хотя участвовать в коленопреклонениях я раньше не любил: душевная незрелость побуждала меня раньше подозревать, что в этом движении заключено нечто рабское. Но теперь коленопреклонения оказалось недостаточно. И когда мои руки легли на ветхий, тысячами ног истоптанный коврик, распахнулась какая-то тайная дверь души, и слезы ни с чем не сравнимого блаженного восторга хлынули неудержимо. И, по правде сказать, мне не очень важно, как знатоки всякого рода экстазов и восхищений назовут и в какой разряд отнесут происшедшее вслед за этим. Содержанием же этих минут был подъем в Небесную Россию, переживание Синклита² ее просветленных, нездешняя теплота духовных потоков,

¹ Из воспоминаний Родиона Гудзенко.

² У Даниила Андреева синклит – это посмертный собор выдающихся личностей (сущностей) той или иной культуры.

люющихся из того средоточия, которое справедливо и точно именовать Небесным Кремлем».

Что это, видение мистика? Вдохновение поэта, вынужденного писать «в протокольном стиле»? Его собственное подсознание, опосредующее себя в образе святого Серафима настолько, что кажется, будто он явился извне? А может быть, прельщение дьявольское, чары сатанинские, бесовское наваждение? Среди читателей Даниила Андреева и близких к нему людей, безусловно, найдутся готовые ответить утвердительно на первый вопрос – да, мистика, как и согласиться со вторым утверждением – да, вдохновение. Найдутся и склонные таким же образом ответить на третий – да, подсознание.

К примеру, воспоминания столь преданной Даниилу Андрееву, почти влюбленной в него Ирины Усовой: «Когда в общей камере тюрьмы все засыпали, он погружался примерно в то состояние, в какое впадают индийские йоги путем чрезвычайного сосредоточения (что-то близкое к “самадхи”¹). Даня называл это состояние “трансфизическими странствиями, которые совершались во время сна отсюда, из Энрофа² России”. Он пишет: “...смутные образы дополнялись другими неоценимыми источниками познания – трансфизическими встречами и беседами”. Во время этих бесед он слышал голоса, которым верил беспрекословно, и сказанное ими воспринимал за абсолютную истину. В частности, ему был назван ряд имен

¹ Состояние, достигаемое медитацией, которое выражается в спокойствии сознания, снятии противоречий между внутренним и внешним мирами (субъектом и объектом). В буддизме самадхи – последняя ступень восьмеричного пути, подводящая человека вплотную к нирване.

² Физический слой в терминологии мифологии «Розы Мира» Даниила Андреева. Наш физический слой – понятие, равнозначное понятию астрономической Вселенной, – характеризуется, как известно, тем, что его Пространство обладает тремя координатами, а Время, в котором он существует, – одной. Этот физический слой в терминологии «Розы Мира» носит наименование Энроф.

великих русских талантливых людей и деятелей, и кто из них удостоился в посмертии. Я прочла этот маленький отрывок (из “Розы Мира”. – Л.Б.) еще при жизни Дани. И я была больно поражена: я почувствовала в перечне имен Данины личные симпатии и пристрастия. Я подумала, что, стало быть, голоса эти были не “свыше”, а скорее голоса его собственного подсознания».

Она не только подумала, но наверняка и поведала Даниилу Леонидовичу о своих сомнениях, которые и его заставили о многом задуматься. Во всяком случае, косвенная полемика с Ириной Усовой и другими усомнившимися угадывается в строчках тюремного дневника:

«7 февраля 1954

Октябрь и особенно ноябрь прошлого года был необычайным, беспрецедентным временем в моей жизни. Но что происходило тогда: откровение? наваждение? безумие? Грандиозность открывшейся мировой панорамы без сравнения превосходила возможности не только моего сознания, но, думаю, и подсознания».

Даниил Леонидович задает себе почти те же вопросы, которые задаем мы, и на один из них отвечает: нет, это явно не подсознание.

Продолжение этой косвенной полемики мы обнаруживаем в эпизоде из «Железной мистерии»¹. После того как Неизвестному, одному из персонажей, за которым скрывается автор, являются Лермонтов, Гоголь и Достоевский, любимые писатели Даниила Леонидовича, Неизвестный спрашивает:

¹ Драматическая поэма Даниила Андреева.

– Только ответь: отчего прошли
Именно эти гении?
И Даймон, вожатый по иным мирам, ему отвечает:
– Много, о, много детей земли
Сходятся в богослужении;
Ты различил только тех, чей прям
Путь был рядом с тобою.

(Акт шестой «Крипта»)

Итак, мы попробовали ответить на три вопроса, но и найдутся люди, готовые утвердительно ответить на четвертый – да, прельщение. При этом они добавляют, что прельщающий способен выдать себя за ангела, обрядиться просветленным любого Синклита, и их предупреждение весьма серьезно. Поэтому заявить во всеулышание: «Нет, это не голоса подсознания! Нет, это не прельщение!» – вряд ли было бы правильно, поскольку откуда, собственно, мы знаем. Действительно, некоторые святые (к примеру, Тереза Авильская¹) именно знали, были убеждены, что их голоса и видения от Бога, но мы не святые и не обладаем ни мистическим опытом, ни поэтическим вдохновением автора «Розы Мира». Да и стихия подсознания в человеке способна на самые непредсказуемые сюрпризы: подчас выясняется, что и спириты² получают ответ из ее глубин. Поэтому для нас самое лучшее – промолчать. Но все же у тех, кто заявляет обратное: «Да, прельщение! Да, голоса подсознания!», мы вправе спросить: «Откуда вы знаете? Неужто вы святые?! Или такие сведущие в законах подсознания?!»

¹ Тереза Авильская (1515–1582) – испанская монахиня-кармелитка, католическая святая, автор мистических сочинений, реформатор кармелитского ордена, создательница орденской ветви «босоногих кармелиток». Католическая церковь причисляет ее к Учителям Церкви. Считается одним из лучших писателей испанского золотого века и первой испанской писательницей.

² Спиритами называют людей, принимающих участие в мистических ритуалах по вызову духа.

Да и не наше дело, в конце концов, выступать с заявлениями и претендовать на истину. Мы рассказываем о человеке, его гражданском выборе, противостоянии страшной эпохе, мужестве и творческой судьбе. И в том числе – о его индивидуальном мистическом опыте. Избранная нами форма свободных заметок, размышлений, гипотез тем и хороша, что позволяет ограничиться ответами промежуточными и, таким образом, лишь подвести читателя к главному, окончательному ответу. Прельщение, диалог с подсознанием или все же неповторимый мистический опыт? Подвести и сказать: «Ну вот, здесь мы и простимся. Дальше иди один. Право на ответ – за тобой».

На том и порешим.

Теперь мы обратим внимание на одну примечательную подробность в процитированном отрывке из «Розы Мира». Даниил Леонидович вскользь обронил: «...знатоки всякого рода экстазов и восхищений». Здесь явно имеются в виду не какие-то книжные или выдуманные, а вполне реальные знатоки. Впечатление такое, что они стоят рядом и, выслушивая отчет об экстазах, этак прикидывают: «Так... К какому разряду мы их отнесем?» Что ж, даже в страшные сталинские времена такие знатоки были. Значит, были они и в окружении Даниила Андреева, действительно стояли рядом, и мы еще поговорим о них.

Так как же нам быть? Нам, мнительным, опасливым, воспаленно пристрастным и в то же время испытывающим невыразимую радость? Уж если святой Серафим возжелал видеть обители, то и нам не зазорно признаться – желаем. Но ведь он нам об обителях в доме Отца больше ничего не расскажет, не опишет их во всех подробностях? Ведь преподобный Серафим не рассказчик, он, как и евангелист Иоанн, о многом умалчивает, потому что «сказать невозможно». Тут мы коснулись, может быть, самого для

нас сейчас главного: молитвенники вообще не говорят о своих высших прозрениях и уж тем более не пишут книги: дар словесного творчества – не их дар. Услышанный ими зов – «обителей много» – претворяется иначе, в духовном действии, делании, умной молитве. Но ведь кто-то должен поведать, рассказать. Кто-то, наделенный одновременно и мистическим даром, и даром слова, отмеченный призванием к творчеству.

И вот тут я приведу эпизод из воспоминаний о детстве Даниила Андреева. Имя их автора я назову позже (момент для этого еще наступит), поскольку сейчас важно другое: «Дамы в те годы носили на шляпках вуаль. Даня упорно, не слушая замечаний старших, говорил не “вуаль”, а “валь”. И только вечером в постельке, обняв белого плюшевого медвежонка, погибшего при нашем аресте в 1947 году, мальчик восторженно и тихо шептал: “В – у – аль...” Это слово было таким красивым, что его нельзя было произносить вслух на людях». Вот оно: «таким красивым»(!) и поэтому не подлежащим огласке, оберегаемым, как святыня. Поразительное свидетельство! Оно явно наводит на мысль о некоей сопоставимости религиозного и творческого служения.

Словом, в этом эпизоде есть все для того, что позволяет нам отправиться сейчас в Сивцев Вражек, к дому, где когда-то жил замечательный русский религиозный философ Николай Бердяев¹, автор работы «Смысл творчества».

¹ Б е р д я е в, Николай Александрович (1874–1948) – русский религиозный и политический философ, социолог; представитель русского экзистенциализма и персонализма. Автор оригинальной концепции философии свободы и (после Первой мировой и Гражданской войн) концепции нового средневековья. Был семь раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе (1942–1948).

ГЛАВА 3

Дом в Большом Власьевском. Рыцарь

Н о сначала откроем томик воспоминаний Бориса Зайцева¹ на той странице, где рассказывается о первой встрече с Бердяевым в Петербурге: «Бердяев был щеголеват, носил галстуки бабочкой, веселых цветов, говорил много, пылко, в нем сразу чувствовался южанин – это не наш орловский или калужский человек. (И в речи был юг: проблэма, сэрдце, станция.) В общем, облик выдающийся. Бурный и вечно кипящий». Далее тонкий, пронизательный, слегка ироничный Зайцев продолжает: «Лента разворачивается. И вот Бердяевы уже в Москве. В нашей Москве и оседают. Даже оказываются близкими нашими соседями. Из тех двух комнат, что снимаем мы на Сивцевом Вражке в большой квартире сестры моей жены, виден через забор дворик дома Бердяевых, а жил некогда тут Герцен, – все это недалеко от Арбата, место Москвы дворянско-литературно-художественной».

И еще важные для нас подробности: «Теперь Бердяевы занимают нижний этаж дома герценовского, Николай Александрович пишет свои философии, устраивает собрания, чтения, кипятится, спорит, помахивая темными кудрями, картинно закидывает их назад, иногда заразительно и весело хохочет (смех у него был приятный, веселый и простодушный, даже нечто детское появлялось на этом бурном лице)».

¹ З а й ц е в, Борис Константинович (1881–1972) – русский писатель и переводчик, один из последних крупных представителей Серебряного века.

Итак, нарисован портрет и указан адрес – Сивцев Вражек, герценовская Москва. Туда я и отправился в конце мая, одним из первых жарких, солнечных, с дрожащим маревом зноя дней. Началось мое путешествие на Гоголевском бульваре. У памятника великому писателю распустились удивительные тюльпаны, белые, лиловые, темно-фиолетовые: невольно ахнешь и залюбуешься! Свечки цветущих каштанов обморочно млели под солнцем, праздная публика располагалась прямо на траве, художники продавали свои картины. Московская жизнь!

Спустившись по лесенке, я свернул в Сивцев Вражек, миновал храм Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских, дом, где жила Марина Цветаева. И вот он уже впереди, герценовский особняк с мезонином в три окна, фасадом, украшенным лепными гирляндами и античными маскаронами, железной крышей и печными трубами (печи в доме, как я знаю, сохранились старые, изразцовые, герценовских времен).

Я приоткрыл калитку и заглянул в тенистый, узенький дворик, мощный камнем, перед входом в музей. И тут вспомнилось мне по давнему знакомству с директором музея Иреной Александровной Желваковой¹, что все-таки Бердяев жил не здесь и Зайцев имел в виду другой дом, иначе не сказал бы: «На первом этаже». Собственно, этот герценовский дом одноэтажный, поэтому зачем уточнять этаж. Я хотел подробнее расспросить об этом сотрудников музея, однако музей уже был закрыт и выяснить все до конца не удалось.

Тогда я свернул в Калошин переулок и вышел на старый Арбат как раз возле знаменитого, многоэтажного, построенного в стиле модерн серого дома с рыцарями. Вышел и, запрокинув голову, стал разглядывать одного из латников,

¹ Желвакова, Ирена Александровна (р. 1925) – историк, переводчик, литератор, основатель и бессменный руководитель Дома-музея А. И. Герцена в Москве.

опирающегося о щит, с мечом, вынесенным плашмя вперед. Мне невольно подумалось: «Вот что объединяет Бердяева с его стремлением привить дух рыцарства русской душе и Даниила Андреева, рыцаря мистической Розы!» А этот рыцарь, вознесшийся над Арбатом, и меч в его руке – не предвестие ли кары, ожидавшей всех, кто здесь когда-то жил: лагерей, тюрем или изгнания?.. Да, были адвокаты, профессора, мистики, поэты, либералы, кадеты, эсеры и меч над ними – большевики. Орден меченосцев, как называл свою партию Сталин.

На следующий день, пасмурный и дождливый, я вновь наведалься в Сивцев Вражек. Я походил по музею, погладил ладонью изразцы старинных печей и (мне посчастливилось!) встретился с Иреной Александровной, маленькой, удивительно живой и подвижной женщиной, давней хранительницей музея. Она мне сказала, что да, по ее разысканиям Бердяев жил в доме, выходящем фасадом на Большой Власьевский переулок, номер 14, унаследовавшем этот номер от снесенного герценовского дома. Об этом подробно написано в ее книге «Тогда... в Сивцевом».

Я разыскал этот дом, изначально трехэтажный, с красивой аркой и лепниной на фасаде, облицованном ноздреватым камнем. В нем, построенном в 1873 году, а затем по-советски надстроенном (любили надстраивать то, что не сами строили), есть что-то неуловимо бердяевское, картинное, барственное. Бердяев поселился здесь в конце 1915 года, здесь писал он свои философии и устраивал собрания. Именно сюда привез он в дорожном саквояже законченную в 1914 году рукопись книги «Смысл творчества». Сейчас мне эта книга нужнее всего, поскольку в ней Бердяев сравнивает Серафима Саровского и Пушкина, святого и гения, и это дает мне ключ для возможного сравнения Серафима Саровского и Даниила Андреева.